

ЦАРСКИЙ ОБРАЗ В ФОЛЬКЛОРЕ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА ХУШ-ХІХ ВВ.

В традиционной культуре казачества особое место занимает фольклорное наследие – песни, предания, легенды, – в которых находило отражение мировоззрение казаков (в том числе и представления о высшей власти и о взаимоотношениях между ней и казачеством). Естественно, что отношение казачества к монарху и государственности не было однородным на протяжении столетий существования казачьих войск. Можно предполагать, что Оренбургское казачье войско, само созданное правительством, отличалось более-менее равномерными верноподданическими настроениями в течение всего периода своей истории. Более сложными были взаимоотношения государственности и яицких казаков. Ранняя история их ("старые годы") – ХУІ – начало ХУШ в. – прошли под знаком поговорки: "живите, братцы, пока Москва не узнала". Второй – переходный период 1720-х – 1770-х (? – возможно, 1800-х гг.) характеризуется борьбой верноподданических настроений и стремлений отстоять свои старые обычаи, автономные порядки. Лишь в ХІХ в. лояльность яицких казаков по отношению к престолу становится почти безусловной (несмотря на отдельные рецидивы противостояния "регулярству" в 1837, 1874–1875 гг.). Преданность казачества Урала престолу в ХІХ в. неоднократно отмечалась исследователями и бытописателями (см.: Железнов И.И., Рябинин А., Стариков Ф.М.). Именно в ХІХ – начале ХХ вв. были сделаны основные фольклорные записи, которыми мы сейчас располагаем. Несомненно, время накладывало отпечаток на произведения устного народного творчества. Даже те из них, которые посвящены событиям и героям ХУІ–ХУШ вв., могли со временем подвергаться переосмыслению, помещаться в новый историко-культурный контекст. Имея в виду данное обстоятельство, мы не ставим в данной работе задачу исторически разложить мировоззренческий контекст казачьего фольклора. Напротив, концепты, которые стоят за отдельными фольклорными текстами, воспринимаются нами как некое целое образование. Задачей же исследования является выделение инвариант, которыми казачий фольклор снабжает образ царя.

Красноречивые эпитеты, которые присваиваются царю в фольклоре ("Батюшка", "Наш отец", "отец общий", "православный царь", "белый царь", "Ты, батюшка, земной Бог", "Царь наш русский православный", "Ах ты свет над, надежда; благоверный царь", "русский царь, наш царь державный", "наш надежда православный царь"), свидетельствуют о том, что монарх воспринимался казаками как общий отец всех подданных, всех православных (момент вероисповедного идентитета очень важен), высший покровитель и благодетель. Государю как "земному Богу" присущи некоторые качества, которые не свойственны другим людям. Царь стоит выше закона, потому что он сам творит законы; царю никто не смеет указывать (Железнов И.И.: "... ведь цари-то, не как простые люди, цари не связаны никаким законом, цари сами закон..."). В силу этого царь волен творить произвол ("может проявить и свою моду"). Именно этим свойством царя уральские казаки в ряде преданий объясняли вроде бы необычный поступок Пугачева-"Петра Ш" - вступление в брак с простой казачкой У.Кузнецовой (как известно, среди уральских казаков до начала XX в. очень распространенным было мнение о тождестве Петра Ш и Е.И.Пугачева или, наоборот, о том, что это были разные люди, но действовавшие совместно; см.: Пушкин А.С., Железнов И.И., Рябинин А., Короленко В.Г.).

Несколько парадоксально на фоне имманентно присущего царям волюнтаризма выглядит вера казаков в нерушимость "царского слова" (Железнов И.И.: "коль-скоро кто их владык земных откажется от царства и даст в том на себя запись, тот век-по-веки должен оставаться без царства, по той самой причине, что царское слово свято, во веки веков нерушимо, не нами узаконено").

Государь - отец-батюшка - как о детях печется о казаках. И последние ценят царскую ("отеческую") заботу: "Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил, // Ты поил-кормил нас, батюшка, берег-жаловал"; "Царь нас кормит, одевает, // Честь и лесть ему служить, // Он за храбрость награждает // Крестом славным на груди". Царь всегда готов дружелюбно, по-отечески пообщаться с казаками, понять их нужды, помочь казакам. В уральском предании "Рыжечка" Петр I отпускает отдохнуть домой яицких казаков, отличившихся в ходе Северной войны, и произносит при этом такие проникновенные слова: "Пускай отдохнут на родной сторонке; поживут в домах, в семействе,

поисправят свое хозяйство и все такое; чай, с войной-то и они, бежняки, поиздержались, поистратились, а я, говорит, не хочу, чтобы казаки мои голодали и без нужды нужду терпели..."

Фольклорные монархи XIX в. держатся более официально. Но и они не преминут случая поприветствовать, похвалить казаков ("Здорово, мои дети, // Оренбургцы, молодцы!"; "Да спасибо, мои-дети, // Да спасибо, молодцы!"), а порой даже ободрить, ободрить (в песне о русско-турецкой войне 1828-1829 гг. "наш батюшка белый царь" - Николай I "прогуливает" с "армянской" и ведет с казаками отеческие беседы: "Хорошо ли, братцы-ребята, // На сраженьях вам стоять, // На сражениях, на войне, // Да все на правом крыле, // Все на правом крыле // На камышовой горькой траве?" "Вы не плачьте-ка, ребята, // Не тужите, молодцы: Славной осени дождемся // Во Россию жить пойдём").

Казаки дороги царю. Последнему нелегко смириться с военными потерями, особенно вследствие бездарных действий военачальников. Николай I в песне об осаде Браилова даже "журит-бранит" своего брата, "брателку, родимого", великого князя Михаила Павловича, руководившего осадой и понесшего значительные потери при взятии крепости: "И зачем, почто, брателка, сюда зашел? // Ты сюда зашел, не в свою землю; Не один ты зашел, завел силу-армию..."

Казаки - "дети", - в свою очередь, тоже совершают ошибки. И порой "батюшка" или "матушка" прощают их. Иван Грозный отпускает плени казацкому атаману Ермаку, пограбившему царские караваны, но загладившему проступок взятием Сибири, а также "Казани и Астрахани" для "белого царя". "Милосердная государыня" Екатерина II прощает яицких казаков, отказавшихся нести службу в "потемкинском легионе" (служба "лиционна") в 1770-1771 гг. Более того, Екатерина II прощает яицких казаков бунтовщиков, убивших в 1772 г. генерала Траубенберга - "государыня простила, жить по-старому пустила".

В системе патриархальных отношений между царем и казаками естественно выглядит верность и покорность последних своему "батюшке". Служба в представлении казаков есть служба царю, исполнение его приказов. И служат казаки не за долг, а за совесть. Неоднократно в фольклорных текстах именно казаки выполняют самые трудные поручения, которые решают исход сражения и даже войны (поединок "Трех Иванов" с "Индрик-зверем" в предании о "Трех Иванах"; поединок "Рыжечки" со шведским

силачом в сражении под Полтавой и т.д.).

Но в верноподданничестве казаков, в частности – уральских, все же сохранялись некоторые границы. Это исконные казачьи обычаи, "обыкновение", которые казаки бережно хранили. Казаки готовы служить государю до последней капли крови, "лишь бы только не воротили нас на солдатский шкиль, да не нудили насчет креста и бороды".

Н.А.МИНЕНКО (Екатеринбург)

КАЗАЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И МОНАРХИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ХУШ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. Одним из важнейших вопросов истории казачества Урала и Сибири ХУШ–первой половины XIX в. является проблема его взаимоотношений с верховной властью. Решение последней включает, в частности, исследование представлений казаков о государе, принципах монархической власти, собственном месте в структуре монархического государства. В исторической литературе присутствуют оценки противоположного содержания: с одной стороны, казаки характеризуются как "царисты", "карательный резерв" российского монарха, верные слуги верховной власти, с другой – как застрельщики антиправительственного протеста, гражданских войн, борцы с абсолютизмом. При этом прослеживается тенденция дифференцировать вольных в прошлом уральских (яицких) казаков и служилого казачества Сибири, Оренбургского войска. А.И. Андрущенко, например, утверждает, что поскольку "оренбургское казачье войско возникло "по высочайшему указу" из переведенных из Самары, Уфы и других городов казаков и других групп населения, несших обязанности по охране границ", оренбуржцы были "лишь по названию казаками", а по сути – "военнообязанными царского правительства людьми"¹.

2. Источники свидетельствуют, что к ХУШ в. не существовало принципиальных отличий в отношении к монархической власти у казачества Урала (в том числе яицкого) и Сибири. Государь воспринимался как глава всего народа, отец подданных, олицетворение независимости и мощи государства, слуга народа.